

На правах рукописи

БЕЗЕНОВА Мария Петровна

**УДМУРТСКИЙ ВОКАЛИЗМ ПЕРВОГО СЛОГА
В ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ
(на материале памятников письменности
и современных диалектов)**

10.02.02 — языки народов Российской Федерации
(финно-угорские и самодийские языки)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва — 2015

Работа выполнена в отделе урало-алтайских языков
ФГБУН Институт языкознания РАН

Научный руководитель: **Норманская Юлия Викторовна**
доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник

Официальные оппоненты: **Кондратьева Наталья Владимировна**
доктор филологических наук,
профессор кафедры общего и финно-
угорского языкознания
ФГБОУ ВПО «Удмуртский
государственный университет»

Кашкин Егор Владимирович
кандидат филологических наук,
научный сотрудник отдела корпусной
лингвистики и лингвистической
поэтики ФГБУН Институт русского
языка им. В. В. Виноградова РАН

Ведущая организация: **ФГБУН ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН**

Защита состоится «3» марта 2015 г. в 10.00 часов на заседании диссертационного совета Д 002.006.01 при Институте языкознания РАН по адресу: 125009, г. Москва, Б. Кисловский пер., д. 1, стр. 1.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте Института языкознания РАН <http://iling-ran.ru>.

Автореферат разослан «___» _____ 2015 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук

Е. М. Девяткина

Общая характеристика работы

Диссертация посвящена описанию вокализма удмуртских диалектов и памятников письменности первой половины XIX века, а также реконструкции праудмуртской системы гласных первого слога.

Актуальность исследования. Изучение удмуртских диалектов и говоров дает ценный материал для разработки вопросов истории формирования удмуртского литературного языка, определения диалектной принадлежности памятников удмуртской письменности, в частности, первых переводов Евангелий. Выявление архаичных черт в удмуртских диалектах, соотнесение их с данными коми языка и других финно-угорских языков может помочь уточнить прапермскую и, возможно, даже финно-угорскую фонетические системы. В то же время, определение инновационных и архаичных черт в диалектах позволяет судить не только об истории удмуртского языка, но и истории народа, т. к. диалектные факты зачастую дают возможность проследить направление миграций и контактов племен в глубокой древности. Однако сам процесс выявления инновационных и архаичных черт должен производиться на основе сопоставления полных словарей по каждому из диалектов, представленных в том или ином языке, что мы и попытались продемонстрировать при анализе удмуртских говоров в нашей работе. Таким образом, актуальность работы заключается в том, что подобные исследования позволят вывести удмуртскую диалектологию на новый уровень, когда будут сравниваться не отдельные выборки диалектных слов, а полные словари.

Степень разработанности проблемы. Отдельные удмуртские диалекты подвергались анализу и ранее в различных статьях, а также работах монографического характера Т. И. Тепляшиной (1955, 1970), И. В. Тараканова (1958), В. К. Кельмакова (1969), С. К. Бушмакина (1971), Р. Ш. Насибуллина (1973), Б. Ш. Загуляевой (1980), Л. Л. Карповой (1997), Н. М. Люкиной (2008). В других работах как зарубежных, так и отечественных ученых затрагивались вопросы не только описательной, но и исторической фонетики пермских языков, в том числе были предприняты попытки реконструировать праудмуртскую систему вокализма, например, в трудах В. К. Кельмакова «Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов» (1993) и Ш. Чуча «Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache» (2005).

Определенному анализу подвергались ранее и удмуртские памятники письменности, в частности, подобные исследования представлены среди работ В. В. Напольских, И. В. Тараканова, В. И. Алатырева, В. М. Вахрушева, Т. И. Тепляшиной и др. Рассмотрению азбук на глазовском и сарапульском наречиях удмуртского языка и первых переводов Евангелий на удмуртский язык, которые подвергаются анализу в диссертации, посвящены труды

В. К. Кельмакова, Б. И. Каракулова, А. Ф. Шутова, Л. М. Ившина и некоторых других ученых.

Целями исследования являются описание вокализма удмуртских диалектов и памятников письменности первой половины XIX века, реконструкция праудмуртской системы и создание пяти аудиословарей исконной лексики.

Достижение этих целей предполагает решение ряда исследовательских задач:

1) описать систему вокализма письменных памятников первой половины XIX в.;

2) собрать полные словники исконной пермской лексики по диалектам удмуртского языка, принадлежащим к разным группам: северной, срединной, центрально-южной, периферийно-южной и бесермянской;

3) составить аудиословари по отдельным диалектам удмуртского языка и сделать их доступными для пользования в интернете;

4) проанализировать полевой материал и описать вокализм первого слога современных диалектов;

5) на основе полученных данных реконструировать праудмуртскую систему гласных первого слога.

Материалом исследования послужили данные, полученные автором представленной работы в ходе полевых исследований в с. Покровский Урустамак Бавлинского района Республики Татарстан (периферийно-южный диалект, бавлинский говор), с. Варклет-Бодья Агрызского района Республики Татарстан (центрально-южный диалект), д. Вылынгурт Сюмсинского района Удмуртской Республики (срединные говоры), д. Ворца Ярского района Удмуртской Республики (бесермянское наречие) и д. Кабаково Глазовского района Удмуртской Республики (северное наречие, среднечепецкий диалект), а также шесть переводных памятников письменности первой половины XIX века: азбука на сарапульском наречии, азбука на глазовском наречии, «Евангелие от Иоанна», «Евангелие от Марка», «Евангелие от Матфея» на сарапульском наречии и «Евангелие от Матфея» на глазовском наречии.

Научная новизна исследования заключается в том, что данная работа предполагает сбор полных словников исконной пермской лексики и составление аудиословарей по пяти говорам удмуртского языка, принадлежащим к разным диалектным группам. Стоит отметить, что до сих пор нет ни одного полного словаря, включающего весь словарный состав того или иного диалекта удмуртского языка. Во всех существующих словарях зафиксирована, как правило, только диалектная лексика, при этом только один из них на сегодняшний день издан и доступен для пользователей. Это работа Л. Л. Карповой «Лексика северного наречия удмуртского языка: Среднечепецкий диалект» (2013).

Теоретическая и практическая значимость работы определяется тем, что ее результаты могут быть использованы при дальнейших исследованиях вопросов удмуртской, пермской и финно-угорской диалектологии и реконструкции. Составленные словари исконной пермской лексики позволят сохранить достоверные данные различных удмуртских диалектов. Результаты исследования, как и сами материалы, зафиксированные на цифровых носителях, могут быть использованы в теоретических курсах по диалектологии, сравнительно-историческому языкознанию и типологии.

Методология и методы исследования. Основными методами исследования являются описательный и сравнительно-сопоставительный. При описании систем вокализма отдельных говоров на первый план выходят экспериментальный (метод формантного анализа) и статистический методы.

На защиту выносятся следующие положения:

1) В переводных памятниках письменности отражена близкая к праудмуртскому состоянию архаическая система консонантизма, а система вокализма не имеет существенных отклонений от литературного удмуртского языка, что может свидетельствовать о том, что изменения вокализма, которые произошли при развитии от праудмуртского языка к современным северным и срединным говорам, на момент создания памятников уже имели место, а изменения в системе согласных фонем произошли уже после первой половины XIX в.

2) Принадлежность говоров памятников к одному и тому же диалекту определяется набором общих инноваций, а не сохранившихся архаизмов, поэтому при определении диалектной основы памятника письменности в первую очередь следует обратить внимание на инновационные черты.

3) В системе вокализма первого слога говора д. Вылынгурт (срединный говор), д. Кабаково (среднечепецкий диалект северного наречия) и д. Варклет-Бодья (центрально-южный диалект) функционирует особая огубленная (слабоогубленная) фонема *э*, по-видимому, являющаяся рефлексом праудмуртской **э*.

4) Праудмуртская система вокализма первого слога состояла из десяти фонем: **i*, **i̯*, **и*, **и̯*, **е*, **ε*, **э*, **э̯*, **в*, **а*.

Степень достоверности и апробация результатов. Достоверность полученных результатов была верифицирована в результате, во-первых, перцептивных тестов с носителями изучаемых диалектов, во-вторых, в процессе компьютерного анализа полученных записей с помощью специальной фонетической программы Praat, в-третьих, при сравнении собранных нами материалов с уже опубликованными данными по удмуртским диалектам.

Основные положения исследования были представлены в качестве докладов на всероссийских конференциях: VII-е Тенишевские чтения

(26—27 апреля 2013 г., ИЯз РАН, г. Москва), Вторая конференция-школа «Проблемы языка: взгляд молодых ученых» (5—7 сентября 2013 г., ИЯз РАН, г. Москва); а также обсуждались на заседаниях отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН.

По теме диссертации имеется 10 публикаций общим объемом 5,5 п. л.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка условных сокращений, списка использованной литературы. В качестве приложения приводятся списки информантов и пять словарей исконной лексики: словарь говора д. Вылынгурт (срединный говор), словарь говора д. Кабаково (среднечепецкий диалект), словарь говора с. Покровский Урустамак (бавлинский говор), словарь говора с. Варклет-Бодья (центрально-южный диалект), словарь говора д. Ворца (бесермянское наречие). Общий объем диссертационного исследования с приложением составляет 288 страниц.

Содержание работы

Во **Введении** раскрывается актуальность темы исследования, определяются цели и задачи работы, научная новизна, теоретическая и практическая значимость диссертации, приводятся основные методы исследования, отмечается степень достоверности и апробация результатов, формулируются положения, выносимые на защиту. Здесь же затрагиваются вопросы истории изучения удмуртских диалектов, где подробному анализу подвергаются диссертационные исследования Т. И. Тепляшиной (1955), И. В. Тараканова (1958), В. К. Кельмакова (1969), С. К. Бушмакина (1971), Р. Ш. Насибуллина (1973), Б. Ш. Загуляевой (1980), Л. Л. Карповой (1997) и Н. М. Люкиной (2008), в которых описаны такие говоры и диалекты удмуртского языка, как: тыловайский (северное наречие), бавлинский (периферийно-южный диалект), кукморский (периферийно-южный диалект), среднечепецкий (северное наречие) диалекты, средневосточные (срединные говоры), закамские (периферийно-южный диалект), прикильмезские (срединные говоры) говоры, а также юндинский и лекминский говоры бесермянского наречия. Во Введении также дается сопоставление работ В. К. Кельмакова «Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов» (1993) и Ш. Чуча «Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache» (2005), в которых представлена реконструкция праудмуртской системы вокализма. Кратко рассматривается история изучения памятников письменности.

Первая глава **«Фонетические особенности памятников удмуртской письменности религиозного характера первой половины XIX века (в сопоставлении с современными диалектами)»** состоит из четырех разделов.

В первом разделе оговаривается метод выявления диалектных изоглосс. Проблема заключается в том, что диалектными особенностями, характеризующими тот или иной говор, можно считать как фонетические, морфологические, синтаксические или лексические инновации, возникшие именно в рассматриваемой диалектной зоне, так и сохранившиеся архаизмы. Но относительно последних важно понимать, что хотя они являются характеристикой той или иной диалектной зоны, но при рассмотрении нового памятника или говора и обнаружении в нем тех или иных архаичных праудмуртских черт, свойственных в настоящее время только, например, северным удмуртским говорам, на основании них мы не можем постулировать принадлежность идиома анализируемого памятника к северным диалектам. Это связано с тем, что принадлежность говоров памятников к одному и тому же диалекту определяется набором общих инноваций, а не сохранившихся архаизмов. Поэтому когда мы приступаем к разбору фонетических особенностей тех или иных памятников удмуртской письменности важно классифицировать, какие из них являются инновациями, а какие — архаизмами, сохранившимися от праудмуртского языка. Очевидно, что эта задача для удмуртского языкознания в настоящее время не может быть решена в полном объеме, поскольку отсутствует реконструкция праудмуртской фонологической и морфологической систем и нет этимологического словаря удмуртских говоров, в котором эта реконструкция была бы последовательно зафиксирована для всей исконной удмуртской лексики.

Единственным диалектным словарем является труд финского ученого Ю. Вихманна «*Wotjakischer Wortschatz*» (1987). К сожалению, с точки зрения использования этого словаря для решения поставленной нами задачи — выявления диалектных особенностей памятников удмуртской письменности — у этого словаря есть ряд недостатков. Главное, что в нем отсутствует праудмуртская реконструкция, и она не приведена не потому, что легко восстанавливается из диалектного материала, но, напротив, анализ соответствий гласных первого слога в формах, данных в словаре Ю. Вихманна, показывает, что построение системной и убедительной реконструкции вокализма на этом материале вряд ли возможно, т. к. между диалектами выявляется весьма много соответствий, для которых не удастся найти правила распределения. В этом случае речь может идти либо о большом количестве спорадических изменений гласных звуков в отдельных словах в определенных диалектах, либо о не очень точной фиксации крайне сложного диалектного материала. Нам представляется, что указать причину столь большого количества междиалектных соответствий гласных в словаре Ю. Вихманна, возможно, удастся лишь после проведения аналогичной работы и создания нового словаря на материале современных удмуртских диалектов, принадлежащих к разным группам. Если на этом материале получится сделать аккуратную и системную реконструкцию вокализма, то,

скорее всего, гласные первого слога в словаре Ю. Вихманна зафиксированы не очень точно. Если же нет, и на новом материале, точно затранскрибированном с использованием программ-анализаторов звучащей речи, будет много соответствий, свойственных лишь нескольким основам, то, вероятно, и в словаре Ю. Вихманна была дана хорошая транскрипция, а для реконструкции необходимо привлечение еще каких-то дополнительных данных, позволяющих системно описать процессы, которые привели к существующей ситуации. Но в любом случае в настоящее время, используя словарь Ю. Вихманна, мы можем считать надежными только записи по консонантизму, которые фактически позволяют реконструировать систему праудмуртских согласных.

Получается, что при анализе особенностей памятников нам предстоит разделять их на несколько групп и по-разному их оценивать.

I. Изоглоссы, касающиеся консонантизма, необходимо соотносить со словарем Ю. Вихманна. Это целесообразно делать для каждой конкретной лексемы. Далее в зависимости от представленности той или иной изоглоссы в удмуртских диалектах, по данным Ю. Вихманна, могут возникнуть следующие случаи.

1) Особенность, представленная в памятнике/ах, зафиксирована в нескольких группах удмуртских диалектов, по данным словаря Ю. Вихманна; тогда она в любом случае является архаизмом. Интересно проверить уровень архаизма, т. е. наличие особой рефлексии в этимонах рассматриваемых слов в других финно-угорских языках, в любом случае для определения диалектной принадлежности памятника она не будет релевантна.

2) Особенность, представленная в памятнике/ах, зафиксирована только в одной группе удмуртских диалектов, по данным словаря Ю. Вихманна. Тогда ее следует проверить и в аналогичных словах: в первую очередь в коми, во вторую — в других финно-угорских языках. Если там тоже зафиксирована такая особенность, то она является архаизмом, несмотря на слабую представленность ее в удмуртских диалектах. Если она отсутствует в этимологических аналогах рассматриваемых слов за пределами одного удмуртского диалекта, то эта особенность является инновацией и важной характеристикой диалектной принадлежности памятника удмуртской письменности.

3) Особенность консонантизма, отмеченная в памятнике/ах, не отражена в словаре Ю. Вихманна. В этом случае необходимо привлечение описаний современных диалектов. В зависимости от наличия / отсутствия в них той или иной изоглоссы и характера ее представленности в памятнике/ах можно предполагать, имеет ли она статус графического приема или исчезнувшей диалектной черты.

II. Изоглоссы, касающиеся вокализма, также целесообразно соотносить со словарем Ю. Вихманна. Однако в настоящее время, как

показал проведенный анализ, фактически нет четких изоглосс, объединяющих те или иные конкретные лексемы с особой рефлексацией гласных в памятниках письменности и в удмуртских диалектах в словаре Ю. Вихманна. Поэтому в случае гласных особое значение имеет их соотнесение с материалом современных диалектных исследований. К сожалению, в большинстве случаев отсутствуют полные диалектные словари, и даже, обнаружив аналогичную особенность рефлексации вокализма в том или ином говоре по диалектным описаниям, мы не можем проверить, касается ли она тех же лексем, что и в памятниках письменности, или другого набора слов. Для более качественного осмысления особенностей вокализма памятников необходимо соотнесение их с полными диалектными словарями.

Отметим, что, несмотря на то, что настоящая диссертация посвящена особенностям вокализма, данные по консонантизму также следует рассматривать подробно, поскольку необходимо сначала установить диалектную принадлежность того или иного памятника письменности, и только после этого осмыслять особенности системы вокализма, в нем отраженные.

Стоит также заметить, что, по сути, в письменных памятниках могут быть отражены графические или орфографические особенности, а фонетические изоглоссы памятников мы выделяем на основе соотнесения той или иной особенности с данными современных диалектов. Если же какая-то особенность последовательно встречается во всех памятниках и отсутствует в современных говорах, то, скорее всего, она имеет графический или орфографический характер.

Во втором разделе выявляются фонетические особенности шести переводных памятников письменности, среди которых представлены четыре перевода Евангелий на удмуртский язык («Евангелие от Иоанна», «Евангелие от Марка», «Евангелие от Матфея» на глазовском наречии, «Евангелие от Матфея» на сарапульском наречии) и две азбуки на глазовском и сарапульском наречиях удмуртского языка. В результате исследования был выявлен ряд характерных для исследуемых текстовых памятников особенностей, которые можно подразделить на следующие группы:

1. Особенности консонантизма:

1.1. Особенности, свойственные, по данным словаря Ю. Вихманна, нескольким удмуртским диалектам и являющиеся архаизмами:

- а) употребление в анлауте билабиального *ÿ* перед *a* (графически передается буквосочетанием *ув*);
- б) употребление аффрикаты *č* перед *к* в инлауте (вместо литер. *ш*);
- в) сочетания согласных типа *-рС-* в соответствии с литер. *-рСС-* в корне;
- г) употребление *у* (*ÿ*) в соответствии с литер. *л*;

- д) наличие носового согласного *м* в соответствии с литер. носовым *н*;
- е) употребление носового *н* в соответствии с литер. носовым *м*;
- ж) употребление в анлауте *й* в соответствии с литер. *л'* перед *у*;
- з) употребление *л* (*л'*) в соответствии с литер. *й*.

1.2. Особенности, свойственные, по данным словаря Ю. Вихманна, одному удмуртскому диалекту:

- а) твердый характер согласного *н* после переднерядного *и*.

1.3. Особенности, не свойственные, по данным словаря Ю. Вихманна, удмуртским диалектам:

- а) наличие сочетаний *ква-*, *кви-* в соответствии с литер. *кӱа-*, *кӱи-* в начале слов либо в начале второй части сложного слова;
- б) наличие инлаутного *в* в сочетаниях *ува*, *уво*, *увэ*, *аву* в соответствии с литер. *уа*, *уо*, *уэ*, *аӱ*;
- в) употребление палатальной аффрикаты *ч* в соответствии с литер. щелевым *с'*.

2. Особенности вокализма:

2.1. Особенности вокализма первого слога:

- а) употребление *у* в соответствии с литер. *ы*;
- б) спорадическое употребление *э* в соответствии с литер. *ы*;
- в) спорадическое употребление *о* в соответствии с литер. *ы*;
- г) употребление гласного *ы* в соответствии с литер. *ӧ*;
- д) употребление в некоторых словах гласной *ы* (*и*) в соответствии с литер. *у*;
- е) спорадическое употребление гласного *э* в соответствии с литер. *о*.

2.2. Особенности вокализма второго слога:

- а) спорадическое употребление *ы* ~ *и* в соответствии с литер. *э*;
- б) употребление *а* в соответствии с литер. *э*;
- в) спорадическое употребление *э* (*ӧ*) в соответствии с литер. *ы*;
- г) спорадическое употребление гласного *э* в соответствии с литер. *о*;
- д) спорадическое употребление *о* в соответствии с литер. *ы*;
- е) употребление гласного *ы* в соответствии с литер. *ӧ*;
- ж) спорадическая прогрессивная ассимиляция по огубленности.

Следующие три особенности из этого списка, последовательно представленные во всех памятниках, по-видимому, можно отнести к орфографическим приемам:

- 1) наличие инлаутного *в* в сочетаниях *ува*, *уво*, *увэ*, *аву* в соответствии с *уа*, *уо*, *уэ*, *аӱ* в литер.;
- 2) наличие сочетаний *ква-*, *кви-* в соответствии с литер. *кӱа-*, *кӱи-*;
- 3) сочетания согласных типа *-рС-* в соответствии с литер. *-рСС-* в корне.

Как видно, практически все особенности употребления согласных, зафиксированные в памятниках, являются либо графическими приемами, либо архаизмами, отраженными и в словаре Ю. Вихманна.

О случаях, связанных с особым употреблением гласных, судить сложно. Во-первых, к одной и той же особенности могут относиться как формы, имеющие одновременно параллели в словарях Ю. Вихманна «Wotjakischer Wortschatz» (1987) и В. И. Лыткина, Е. С. Гуляева «Краткий этимологический словарь коми языка» (1970), так и формы, не имеющие соответствий ни в словарях, ни в современных диалектах. Во-вторых, выявленные нами особенности вокализма, как первого, так и второго слогов имеют не системный, а спорадический характер. Количество примеров в большинстве случаев не превышает двух лексем, за исключением трех особенностей, располагающих довольно широким набором примеров:

1) спорадическое употребление *ы* ~ *и* в соответствии с литер. *э* во втором слоге;

2) употребление *у* в соответствии с литер. *ы* в первом слоге;

3) спорадическая прогрессивная ассимиляция по огубленности.

По-видимому, остальные особенности вокализма рассматриваемых памятников, имеющие небольшой объем примеров-лексем, но каждая из которых представлена несколькими словоформами, носили лишь местный характер. Хотя и среди них есть отдельные лексемы, имеющие, как правило, лишь одну форму и встречающуюся только на одной из страниц того или иного памятника, которые, вероятнее всего, не указывают на особую рефлексацию, а являются только описками.

Итак, проведенный анализ показал, что в этих памятниках отражена архаическая система консонантизма, в настоящее время не отличимая от праудмуртского состояния, что свидетельствует о том, что изменения в системе согласных фонем в северных и срединных говорах произошли уже после первой половины XIX в. Что же касается вокализма, выявленные нами фонетические особенности как первого, так и второго слогов, имеют не системный, а спорадический характер. При этом количество примеров в большинстве случаев не превышает двух словоформ, то есть в данных памятниках фактически отсутствуют существенные отклонения от литературного удмуртского, что может свидетельствовать о том, что изменения в системе гласных, произошедшие при развитии от праудмуртского языка к современным диалектам, на момент создания памятников уже имели место.

В третьем разделе затрагивается вопрос о диалектной основе первого перевода «Евангелия от Иоанна» на удмуртский язык. Проблема заключается в том, что данный источник, в отличие от других памятников письменности, рассматриваемых нами, в которых указана глазовская или сарапульская основа перевода, не имеет пометы о своей диалектной принадлежности.

К сожалению, анализ диалектных особенностей, представленных в Евангелии, также не позволил надежно определить, какое из наречий, в

частности, глазовское или сарапульское легло в основу данного перевода, поскольку для определения диалектной основы того или иного памятника письменности мы учитываем инновационные черты. Особенности же, выявленные нами в переводе «Евангелия от Иоанна», являются архаизмами либо их принадлежность к архаичным или инновационным чертам определить сложно.

В четвертом разделе мы попытались описать фонетические особенности глазовского и сарапульского диалектов, которые послужили основой для рассматриваемых памятников письменности, представить их состояние в первой половине XIX в. и по возможности сопоставить их с современными диалектами удмуртского языка.

К особенностям, свойственным как сарапульскому, так и глазовскому диалекту первой половины XIX в., мы можем отнести шесть фонетических особенностей, которые встречаются и в современных говорах удмуртского языка:

- 1) употребление в анлауте билабиального *ʃ* перед *a*;
- 2) употребление аффрикаты *č* перед *k* в инлауте (вместо литер. *ш*);
- 3) твердый характер согласного *n* после переднерядного *u*;
- 4) употребление *ы* ~ *и* в соответствии с литер. *э* во втором слоге;
- 5) употребление *у* (*ү*) в соответствии с литер. *л*;
- 6) употребление *у* в соответствии с литер. *ы* в первом слоге.

Следующие шесть особенностей присущи преимущественно глазовскому диалекту:

- 1) спорадическое употребление *э* в соответствии с литер. *ы* в первом слоге;
- 2) спорадическое употребление *о* в соответствии с литер. *ы* в первом слоге;
- 3) употребление палатальной аффрикаты *ч* в соответствии с литер. щелевым *с'*;
- 4) употребление гласного *ы* в соответствии с литер. *ö* в первом слоге;
- 5) употребление гласного *ы* в соответствии с литер. *ö* во втором слоге;
- 6) спорадическое употребление *о* в соответствии с литер. *ы* во втором слоге.

Три из них (2, 5, 6) не представлены ни в одном из современных диалектов. Можно также выделить ряд черт, посредством которых глазовское наречие, представленное в памятниках, отличается от современного среднечепецкого диалекта северного наречия удмуртского языка, соответствующего ему территориально:

1) употребление *у* (*ү*) в соответствии с литер. *л* (вероятно, архаизм, в настоящее время свойственный срединным говорам и некоторым диалектам южного наречия);

2) спорадическое употребление *э* в соответствии с литер. *ы* в первом слоге (свойственно прикильмезским говорам);

3) употребление палатальной аффрикаты *ч* в соответствии с литер. щелевым *с'* (вероятно, архаизм, в настоящее время свойственный бесермянскому наречию и отдельным центрально-южным и периферийно-южным говорам);

4) употребление гласного *ы* в соответствии с литер. *ö* в первом слоге (свойственно бесермянскому наречию).

Кроме того, можно выделить пять особенностей, которые были характерны в основном для сарапульского диалекта:

1) наличие носового согласного *м* в соответствии с литер. носовым *н*;

2) употребление носового *н* в соответствии с литер. носовым *м*;

3) спорадическая прогрессивная ассимиляция по огубленности;

4) употребление в некоторых словах гласной *ы* (*и*) в соответствии с литер. *у* в первом слоге;

5) употребление в анлауте *й* в соответствии с литер. *л'*.

Оценить, насколько сарапульское наречие, представленное в памятниках, отличается от современного сарапульского диалекта, мы не можем, поскольку на территории распространения данного диалекта сегодня расположены только русские поселения. Однако тот факт, что рассмотренный нами сарапульский диалект имеет подавляющее большинство общих черт (восемь из одиннадцати) с современными срединными говорами, позволяет нам сделать вывод о близости данных диалектов. Однако при этом сарапульский диалект памятников отличается от современных срединных говоров наличием следующих особенностей:

1) употребление *ы* ~ *и* в соответствии с литер. *э* во втором слоге (свойственно верхнечепецким говорам северного наречия);

2) употребление в некоторых словах гласной *ы* (*и*) в соответствии с литер. *у* в первом слоге (свойственно бесермянскому наречию и спорадически встречается в южном наречии);

3) употребление в анлауте *й* в соответствии с литер. *л'* (вероятно, архаизм, в настоящее время не встречается в современных наречиях удмуртского языка).

Во второй главе «**Вокалические системы первого слога удмуртских диалектов (говоров) в синхронии**» описываются системы гласных пяти говоров удмуртского языка, относящихся к разным диалектным группам, а именно: говор д. Вылынгурт (срединные говоры), говор д. Кабаково (среднечепецкий диалект северного наречия), говор с. Варклет-Бодья (центрально-южный диалект), говор с. Покровский Урустамак (бавлинский говор периферийно-южного диалекта), говор д. Ворца (бесермянское наречие). Система вокализма первого слога каждого из представленных говоров описана в отдельном разделе главы.

Качественно анализировать звуки речи на слух способен не каждый человек, при этом мнения даже специалистов могут не совпадать, поскольку слуховой анализ — это довольно субъективная вещь. В связи с

этим мы решили прибегнуть к инструментальным методам исследования звучащей речи с целью уточнения результатов слухового анализа. Сегодня существуют различные специальные компьютерные программы, позволяющие это сделать. Собранный нами материал, представляющий собой полные словники исконной пермской лексики, был обработан одной из таких программ, а именно Praat, позволяющей анализировать устную речь человека.

Для акустической характеристики звуков речи, в частности гласных, в фонетике применяется термин *форманта*, связанный с уровнем частоты голосового тона и образующий тембр звука. Принятое обозначение форманты — F. Считается, что качественные различия между гласными любого языка определяются взаимным расположением первых трех формант, из которых наиболее важными являются частотные показатели двух первых, т.е. F1 и F2.

Таким образом, с помощью программы Praat мы вычислили в среднем по 30 показателей F1 и F2 для каждой гласной фонемы по пяти исследуемым нами говорам. В сложных случаях анализировались все слова с определенной гласной, вошедшие в словник. Затем на основе этих показателей были построены графики координат с изображением фонемных «облаков», с учетом которых и делались выводы о системе вокализма первого слога того или иного говора. Заметим, что «облака» отдельных фонем могут пересекаться друг с другом, поскольку на формантные показатели гласных могут влиять различные факторы. Один из них — консонантная позиция гласного. Однако для учета этого фактора у нас недостаточно материала, поэтому в дальнейшем уместно провести подобное исследование с привлечением не только исконной лексики, а всего лексического состава удмуртского языка. Также было установлено, что в говорах удмуртского языка ударение на качество гласной практически не влияет, то есть долгота и интенсивность в данном случае нерелевантны.

При выборе символов для описания вокализма каждого говора и транскрипции слов мы по возможности руководствовались Международным фонетическим алфавитом (МФА).

Итак, анализ показателей двух первых формант (F1 и F2) гласных позволил нам выявить вокалическую систему первого слога каждого из пяти говоров (см. *Табл. 1—5*).

Таблица 1

**Система вокализма первого слога говора д. Вылынгурт
(срединный говор)**

Ряд \ Подъем	Передний	Средний	Задний
Верхний	<i>i</i>	<i>ĩ</i>	<i>u</i>
Средне-верхний			

Средний			
Средне-нижний	ε	з, в	о
Нижний		а	

Таблица 2

**Система вокализма первого слога говора д. Кабаково
(среднечепецкий диалект северного наречия)**

Ряд \ Подъем	Передний	Средний	Задний
Верхний	<i>i</i>	<i>ĩ</i>	<i>u</i>
Средне-верхний			
Средний			
Средне-нижний	ε	з, в	о
Нижний		а	

Таблица 3

**Система вокализма первого слога говора с. Покровский Урустамак
(бавлинский говор периферийно-южного диалекта)**

Ряд \ Подъем	Передний	Средний	Задний
Верхний	<i>i</i>	<i>u</i>	<i>u</i>
Средне-верхний		ø	
Средний		ə	
Средне-нижний	ε		о
Нижний		а	

Таблица 4

**Система вокализма первого слога говора с. Варклет-Бодья
(центрально-южный диалект)**

Ряд \ Подъем	Передний	Средний	Задний
Верхний	<i>i</i>	<i>ĩ</i>	<i>u</i>
Средне-верхний			o
Средний			
Средне-нижний	ε	з, в	о
Нижний 1 ¹		ʋ	
Нижний 2		а	

¹ Разбиение нижнего подъема на «Нижний 1» и «Нижний 2» объясняется тем, что гласная *ʋ* по характеру подъема находится между гласными средне-нижнего и собственно нижнего подъема. В МФА отдельного подъема для этой гласной не выделено.

**Система вокализма первого слога говора д. Ворца
(бесермянское наречие)**

Ряд \ Подъем	Передний	Средний	Задний
Верхний	<i>i</i>	<i>ĩ</i>	<i>u</i>
Средне-верхний			
Средний			
Средне-нижний	<i>ε</i>	<i>з</i>	<i>ɔ</i>
Нижний 1		<i>в</i>	
Нижний 2		<i>а</i>	

Отметим также, что на основе всего этого собранного и проанализированного материала на данный момент составлены пять электронных диалектологических словарей, в которых представлена транскрипция каждого слова, его перевод и звуковой файл с произношением информанта. При этом этимологически родственные слова в них между собой связаны, и вызывая какое-либо слово в одном из словарей, можно прослушать его произношение и в других диалектах. Аудиословари составлены в программе Lingvodoc, специально разработанной для создания словарей подобного рода, которые позволят задокументировать редкие, исчезающие языки и диалекты. Все составленные аудиословари доступны в интернете на сайте «LingvoDoc» («Этимологические базы диалектных аудиословарей») по адресу <http://lingvodoc.at.ispras.ru/>.

Третья глава «**Реконструкция праудмуртской системы вокализма первого слога**» состоит из трех разделов.

В первом разделе представлены 14 основных рядов соответствий гласных, которые были получены в результате сравнения данных, приведенных во второй главе диссертационного исследования:

- 1) *i* во всех диалектах;
- 2) *ε* во всех диалектах;
- 3) *а* во всех диалектах;
- 4) *ɔ* во всех диалектах;
- 5) *u* во всех диалектах;
- 6) южВБ., бесВ., средВ., счК. *u* — бавлПУ. *u*;
- 7) южВБ., бавлПУ., средВ., счК. *u* (бавлПУ. *u*) — бесВ. *в*;
- 8) южВБ. *o* — бесВ., бавлПУ., средВ., счК. *u* (бавлПУ. *u*);
- 9) южВБ., бесВ., средВ., счК. *з* — бавлПУ. *ө*;
- 10) южВБ., средВ., счК. *ε* — бесВ. *з* — бавлПУ. *ө*;
- 11) южВБ., бесВ. *в* — бавлПУ. *ə* — средВ., счК. *ĩ*;
- 12) южВБ., бесВ., средВ., счК. *ĩ* — бавлПУ. *ə*;
- 13) южВБ., средВ., счК. *ĩ* — бесВ. *в* — бавлПУ. *ə*;

14) южВБ. *v* — бесВ., средВ., счК. *ī* — бавлПУ. *ə*.

В пяти первых рядах та либо иная гласная представлена во всех исследуемых нами говорах, поэтому мы вполне можем утверждать, что эти фонемы восходят к соответствующим праудмуртским гласным **i*, **ε*, **a*, **ɔ*, **u*.

В шестом и седьмом рядах, по-нашему мнению, представлены рефлексы праудмуртской **u*, которая в исконно удмуртских словах в соседстве с непалатальными согласными сохранилась в бавлинском говоре, а также, по данным некоторых диалектологов, в большинстве других говоров периферийно-южного диалекта.

В восьмом ряду южВБ. *o*, вероятно, имеет инновационный характер, являясь рефлексом праудмуртской **u*, поскольку не имеет соответствий в других исследуемых нами говорах, а также не был отмечен ранее и в других диалектах удмуртского языка. Хотя в данном случае необходимы дальнейшие исследования для доказательства инновационного или архаичного статуса этого явления.

По мнению В. К. Кельмакова, источником происхождения подобного соответствия, представленного в девятом ряду, является «многообразие рефлексации праудмуртского **o* в различных диалектах (> *ö*, *ö°*, *э*, *o*), а также определенные отклонения от этой закономерности²». Если учесть ареалы распространения данных фонем, то вполне можно согласиться с данной версией и предположить, что фонемы *з* и *θ* данного ряда, являются рефlekсами праудмуртской огубленной **o*.

Что касается десятого ряда, несмотря на то, что особая гласная *ε* ранее диалектологами не выделялась, нами она отмечена в двух говорах различных наречий (северного и южного), а также в срединных говорах. Учитывая этот факт, можно предположить, что в данном ряду фонема *ε*, скорее всего, имеет более архаичный характер, а бесВ. *з* и бавлПУ. *θ* — инновационный. Бавлинская *θ* и аналогичные фонемы, отмеченные в других периферийно-южных говорах могли возникнуть из **ε*, под влиянием огубленных гласных контактирующих тюркских языков. Переходу **ε* > *θ* могло содействовать и то, что подобная фонема уже функционировала в этих говорах в других лексемах.

Четыре последних ряда, выделенные нами, удмуртские диалектологи объединяют в один, считая, что фонемы *j*, *ǰ* и *ǰ̂* (*ы*, *ы̂*, *ь*) являются рефlekсами одной праудмуртской фонемы. Мы же, опираясь на выявленные нами ряды соответствий, придерживаемся иной точки зрения и считаем, что здесь могут быть представлены рефлексы двух праудмуртских фонем **v* и **i*. Праудмуртская фонема **v* имела рефлексы южВБ., бесВ. *v* — бавлПУ. *ə* — средВ., счК. *ī*. Праудмуртская фонема **i* —

² Кельмаков В. К. Краткий курс удмуртской диалектологии: Учебное пособие для высших учебных заведений. 2-е изд. Ижевск, 2006. С. 71.

южВБ., бесВ., средВ., счК. *i* — бавлПУ. *ə*. Эти ряды различаются рефлексацией сразу в двух диалектных зонах: центрально-южной и бесермянской.

Два последних ряда южВБ., средВ., счК. *i* — бесВ. *v* — бавлПУ. *ə* и южВБ. *v* — бесВ., средВ., счК. *i* — бавлПУ. *ə*, в которых встречается особая рефлексация по сравнению с удмуртскими фонемами **v* и **i* лишь в одном из говоров, являются, видимо, инновационными. Из какой конкретно праудмуртской фонемы они возникли, мы надеемся, покажут будущие исследования по внешнему сравнению, в которых будут подробно рассмотрены параллели в коми и других финно-угорских языках. На настоящем этапе мы придерживаемся точки зрения, что вероятнее всего это модификации праудмуртской фонемы **v*, поскольку рефлексы южВБ. *i*, бесВ. *i* могли возникнуть под влиянием соседних северных и срединных говоров. А наличие особого рефлекса в бесВ. *v* и южВБ., который не может быть объяснен влиянием соседних диалектов, указывает на его архаизм.

Итак, анализ этих рядов позволил нам реконструировать праудмуртскую систему вокализма первого слога (см. Табл. 6), которая представлена во втором разделе главы и имеет различные рефлексy в исследуемых нами говорах (см. Табл. 7), приведенные в третьем разделе.

Таблица 6

	Ряд		
Подъем	<i>*i</i>	<i>*i, *u</i>	<i>*u</i>
		<i>*ə</i>	
	<i>*ε</i>	<i>*ε</i>	<i>*ɔ</i>
		<i>*v</i>	
		<i>*a</i>	

Таблица 7

Рефлексy праудмуртских гласных в исследуемых говорах

Праудмуртский гласный	южВБ.	бесВ.	бавлПУ.	средВ.	счК.
<i>*i</i>	<i>i</i>	<i>i / v</i>	<i>i</i>	<i>i</i>	<i>i</i>
<i>*ĩ</i>	<i>ĩ / i</i>	<i>ĩ</i>	<i>ə / i</i>	<i>ĩ</i>	<i>ĩ</i>
<i>*u</i>	<i>u</i>	<i>u / v</i>	<i>u</i>	<i>u</i>	<i>u</i>
<i>*u</i>	<i>u / o</i>	<i>u</i>	<i>u / u</i>	<i>u</i>	<i>u</i>
<i>*ε</i>	<i>ε</i>	<i>ε</i>	<i>ε</i>	<i>ε</i>	<i>ε</i>
<i>*ə</i>	<i>ɜ</i>	<i>ɜ</i>	<i>ə</i>	<i>ɜ</i>	<i>ɜ</i>
<i>*ε</i>	<i>ε</i>	<i>ɜ / ε</i>	<i>ə</i>	<i>ε</i>	<i>ε</i>
<i>*ɔ</i>	<i>ɔ</i>	<i>ɔ</i>	<i>ɔ</i>	<i>ɔ</i>	<i>ɔ</i>

* <i>ɤ</i>	<i>ɤ / ī</i>	<i>ɤ / ī</i>	<i>ə</i>	<i>ī</i>	<i>ī</i>
* <i>a</i>	<i>a</i>	<i>a</i>	<i>a</i>	<i>a</i>	<i>a</i>

Но учитывая тот факт, что для каждого из рефлексов в современных удмуртских диалектах были описаны формантные характеристики, представляется, что в качестве эксперимента возможно дальнейшее уточнение праудмуртской системы с учетом фонетических характеристик звуков в современных удмуртских диалектах (см. Табл. 8):

Таблица 8

Ряд	Передний	Средний	Задний
Подъем			
Верхний	* <i>i</i>	* <i>i</i> , * <i>ɯ</i>	* <i>ɯ</i>
Средне-верхний		* <i>ə</i>	
Средне-нижний	* <i>ɛ</i>	* <i>ɛ</i>	* <i>ɔ</i>
Нижний 1		* <i>ɤ</i>	
Нижний 2		* <i>a</i>	

Экспериментальный характер этого уточнения связан с тем, что, насколько нам известно, впервые в уралистике реконструкция системы вокализма проводится на материале сравнения фонетических систем с установленными формантными характеристиками. Представляется, что, с одной стороны, это открывает новые перспективы для исследователей, потому что такие данные дают возможность более надежно верифицировать качество той или иной реконструируемой фонемы. С другой стороны, в настоящее время диахроническая типология фонетических (формантных) изменений фактически только начинает разрабатываться. И мы можем лишь с большой осторожностью выдвинуть гипотезу, что если рефлексы какого-то звука в дочерних языках имеют очень близкие формантные характеристики, то такие же показатели были у него и в праязыке.

Для сравнения напомним, что для праудмуртской системы вокализма В. К. Кельмаков восстанавливал девять гласных («Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов», 1993):

<i>i</i>	<i>ï</i>	<i>j</i>	<i>u</i>
<i>e</i>	<i>ö</i>	<i>ɛ</i>	<i>o</i>
	<i>a</i>		

А в реконструкции Ш. Чуча присутствует только восемь фонем («Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache», 2005):

<i>i</i>	<i>ï</i>	<i>j</i>	<i>u</i>
<i>e</i>	<i>ö</i>		<i>o</i>
	<i>a</i>		

Итак, первое отличие представленной нами реконструкции от более ранних заключается в реконструкции двух особых фонем: а) *э, которая имеет особые соответствия в трех диалектных зонах (северном наречии, центрально-южном диалекте и срединных говорах), б) *ѳ, которая имеет особые соответствия в двух диалектных зонах (центрально-южном диалекте и бесермянском наречии).

Второе отличие заключается в том, что в порядке эксперимента реконструкция проводилась на материале сравнения звуков с определенной формантной характеристикой, и это позволило выдвинуть гипотезу об уточнении качества реконструируемых фонем.

Третье, и, вероятно, главное — это то, что впервые в удмуртской диалектологии реконструкция праудмуртского вокализма была верифицирована на полном материале исконной лексики в пяти говорах удмуртского языка, принадлежащих к разным диалектным группам, и материал этих сопоставлений целиком приведен в работе, а их звучание доступно на сайте «LingvoDoc» («Этимологические базы диалектных аудиословарей») по адресу <http://lingvodoc.at.ispras.ru/>.

В дальнейшем представляется очень важным сопоставление полученных результатов с данными по диалектологии коми и других финно-угорских языков с целью реконструкции прафинно-угорской системы на новом уровне, где каждая ступень реконструкции была бы четко верифицирована сопоставлением полных аудиословарей исконной лексики по всем диалектным группам с точной фонетической транскрипцией, проверенной по спектрограммам.

В **Заключении** затрагиваются некоторые проблемы удмуртской диалектологии, подводятся основные итоги исследования.

Список публикаций

І. Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК:

1) *Кайсина М. П.* Диалектная основа первого «Евангелия от Иоанна» на удмуртском языке // Урало-алтайские исследования. 2013, 1 (8). С. 115—126.

2) *Безенова (Кайсина) М. П.* Фонетические особенности памятников удмуртской письменности религиозного характера первой половины XIX века в сопоставлении с современными диалектами // Урало-алтайские исследования. 2014, 1 (12). С. 22—43.

3) *Безенова (Кайсина) М. П.* Словарь срединного говора удмуртского языка // Урало-алтайские исследования. 2014, 1 (12). С. 92—106.

II. Прочие публикации:

4) *Кайсина М. П.* К проблеме происхождения и развития пространственных падежей в удмуртском языке // XXXVIII итоговая студенческая научная конференция: материалы конференции. Ижевск, 2010. С. 295—296.

5) *Кайсина М. П.* К проблеме происхождения и развития пространственных падежей в удмуртском языке (электронная конференция «Диалог. Наука глазами молодых исследователей», 2011 г.) // <http://science.udsu.ru/article?aid=1297608050>

6) *Кайсина М. П.* Выражение пространственных отношений в удмуртском языке (в сопоставлении с немецким языком) // XXXIX итоговая студенческая научная конференция: материалы конференции. Ижевск, 2011. С. 382—384.

7) *Кайсина М. П.* Выражение пространственных отношений в удмуртском языке (в сопоставительном аспекте) // Хаковские чтения — 2011. Материалы региональной научно-практической конференции студентов и аспирантов, посвященной памяти заслуженного профессора Казанского государственного университета Вахита Хозятовича Хакова. Казань, 2011. С. 70—71.

8) *Кайсина М. П.* Грамматические средства выражения категории локализации в удмуртском языке (в сопоставлении с немецким языком) // Языки мира и диалог культур: материалы V Межрегиональной (с международным участием) научно-практической конференции для старшеклассников и студентов (Нижекамск, 15 декабря, 2011 г.). Нижекамск, 2011. С. 220—223.

9) *Кайсина М. П.* Средства выражения типов ориентации в удмуртском языке (в сопоставлении с немецким языком) // Проблемы филологии народов Поволжья: материалы Всероссийской научно-практической конференции (20 апреля 2012 г.). М., 2012. С. 53—57.

10) *Кайсина М. П.* Фонетические особенности памятников удмуртской письменности религиозного характера первой половины XIX в. // Проблемы языка: Сборник научных статей по материалам Второй конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых». М., 2013. С. 112—123.